

МИТРОШЕНКОВ Олег Александрович — д.филос.н., профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84, корп. 8; omitrosh6@mail.ru)

ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА К УПРАВЛЕНЧЕСКИМ ВОЗДЕЙСТВИЯМ (социально-философский анализ)

Аннотация. Любая идентичность есть итог сложных отношений и воздействий, в совокупности которых чрезвычайно важны управленческие отношения. В современном взаимосвязанном мире вся совокупность идентификационных ориентиров и самих идентичностей пребывает в состоянии перманентных преобразований. Система социально-экзистенциального позиционирования и индивида, и общности теряет прежнюю определенность и становится объектом проектирования как со стороны самих себя, так и со стороны внешних для них субъектов политики (или трансформации) идентичности. В статье рассматриваются концептуальные вопросы управления идентичностями.

Ключевые слова: идентичность, социокультурный проект, управление, конструирование, форматирование, разотождествление идентичности, «мягкая сила», пределы управления, информационная повестка, информационно-сетевые войны

Ключевая идея статьи состоит в том, что любая идентичность, помимо того, что она является продуктом сложных взаимодействий культуры, истории, множества факторов и процессов, есть еще и результат сознательного целевого воздействия и управления со стороны социальных субъектов. Иначе говоря, любая идентичность есть итог сложных отношений и воздействий, в совокупности которых исключительно важны управленческие отношения.

1. Идентичность и управление

Управление применительно к идентичностям означает, что они могут вполне осознанно, целенаправленно проектироваться, конструироваться, деконструироваться, форматироваться, переформатироваться — иначе говоря, меняться. В разные эпохи такое управление преследовало разные цели. Сегодня политика формирования идентичности используется (государством, церковью, элитой, СМИ, социальными субъектами и т.д.) преимущественно как инструмент выстраивания поля социальной коммуникации между носителями разных культур, религий, ценностей, идей, предпочтений и т.д., хотя не исключаются и иные цели — например, утверждение одной идентичности в ущерб другой, вплоть до устранения носителей последней.

Сама по себе мысль о конструировании и деконструировании идентичностей не нова. После идей основателя теории идентичности Э. Эриксона, считавшего идентичность в целом изменчивой, пожалуй, одной из первых концептуально осмысленных моделей смены идентичности является идея «осевого времени» К. Ясперса. Осевое время — эпоха между 800 и 200 гг. до н.э., когда действовали первые греческие философы, древнеизраильские пророки, основатели зороастризма в Иране, буддизма и джайнизма в Индии, конфуцианства и даосизма в Китае. Это движение, как заметил С. Аверинцев, «высветлило словом и мыслью тяжеловесные массы безличной “до-осевой” культуры и создало идею личностной, экзистенциальной ответственности перед лицом анонимного бытия-в-мире; тем самым оно создало для будущих поколений всечеловечески-общезначимый завет, сравнительно с которым христианский является лишь

более поздним отражением»¹. Однако Ясперс ничего не говорит об управлении процессом смены идентичности, если не считать таковым деятельность ведущих фигур осевого времени по распространению своих идей.

Поэтому существенен вопрос не только о том, что именно конструируется или деконструируется и даже какие механизмы при этом используются, но и как и в какой степени этими процессами можно управлять, особенно если речь идет о коллективных идентичностях.

Идентичность формируют и корректируют (конструируют и деконструируют) как множество внешних естественных, органических факторов, так и субъективно направляемые и управляемые воздействия. Среди первых это общество, культура, история, религия, география, ментальность, язык, время, пол и т.д. Вторая группа факторов, воздействий и влияний – координируемые, управляемые усилия и действия социальных субъектов, институций и акторов по форматированию и переформатированию конкретных характеристик идентичности в сторону желаемых или заданных.

Методологически разделить эти факторы непросто. В первой группе все факторы так или иначе проявляются в деятельности социальных субъектов и конкретных людей, немислимы вне и без них. Совокупность факторов второй группы испытывает на себе воздействие всего комплекса факторов первой. Однако исследование того, что происходило и происходит с идентичностью в прошлом и современном мире, все же обуславливает необходимость более предметно всмотреться в действия (управленческие) людей по поводу этой идентичности и выявить наиболее эффективные или неудачные социальные практики человечества, направленные на деконструкцию, смену, коррекцию, переформатирование идентичностей во всех их проявлениях. Это, разумеется, невозможно осуществить во всей полноте в рамках одной статьи, однако наметить контуры проблемы все же реально.

В современном мире вся совокупность идентификационных ориентиров и самих идентичностей, представленных в глобальном пространстве, пребывает в состоянии перманентных преобразований. Вся система социально-экзистенциального позиционирования и индивида, и общности, формирующая их социальный габитус, теряет прежнюю определенность и становится объектом конструирования как со стороны самих себя, так и со стороны внешних для них субъектов политики (или трансформации) идентичности.

2. Идентичность как проект

Мысль о том, что идентичности можно проектировать, конструировать и, соответственно, управлять ими, в философской и научной литературе и социальной практике не отрицается и скорее признается, поскольку довольно часто речь идет о концепциях, моделях, стратегиях формирования идентичности какой-либо страны, необходимости целенаправленной и осмысленной «государственной политики идентичности», конструировании той или иной позитивной или нейтрализации негативной характеристики какой-либо идентичности и даже о борьбе за идентичность и т.д. [Астафьева 2010: 259; Гофман 2010: 252; Российская идентичность... 2003; Дробижева 2003; Гудков, Дубин, Зоркая 2008]. В целом массив литературы по этому аспекту проблемы огромен и полному перечислению и обзору не поддается.

Правящие элиты стремятся придать государственному или национальному развитию новые импульсы путем формирования «проектной» (М. Кастельс) идентичности и соответствующего социального запроса на нее.

¹ Аверинцев С. Ясперс. *Новая философская энциклопедия*. В 4 т. М.: Мысль. 2010. Т. 4. С. 516.

М. Кастельс в книге *Power of Identity* (1997) выделяет 3 типа идентичности: «легитимизирующую», «идентичность сопротивления», «проектную». 1-й тип порожден индустриальным социумом с его традиционным пониманием гражданского общества и национального государства, 2-й обусловлен переходом к новому типу ценностей, создаваемых локальными общностями, 3-й вызван формированием субъекта, личности. В постиндустриальном обществе идея защиты личности, ее самобытности, культуры заменяет идею классовой борьбы [Castells 1997].

Наднациональные органы Западной Европы – Евросоюза неустанно трудятся над формированием общеевропейской идентичности. Обсуждается тема целенаправленно реализуемых программ, стратегий, которые были бы способны привить конкретным группам и общностям (молодежи, иммигрантам, гражданам и т.д.) определенную модель идентичности – гражданской, этнической, конфессиональной, политической и т.д. [Попова 2011: 17]. Предпринимаются попытки определить наилучший сценарий идентификационной политики.

Существуют и развиваются различные теории, модели и даже технологии – например, манипулирования, идеологического или рекламного воздействия на огромные массы людей, имеющего целью смену отдельных компонентов идентичности.

Однако собственно научного анализа управленческого аспекта применительно к идентичности нам, честно говоря, встречать не приходилось. Возможно, для автора все еще впереди. Идентичность и управление как научная проблема существовали и существуют в социально-гуманитарном пространстве, похоже, сами по себе, по отдельности. Вероятно, потому, что их взаимодетерминация полагается сама собой разумеющейся, очевидной. Однако с учетом того, что в исследовании и идентичности¹, и феномена управления и его возможностей по отдельности исследователи продвинулись довольно далеко, такое положение, т.е. их рассмотрение порознь, сегодня и теоретически, и практически недостаточно и выглядит скорее недоразумением.

Осознанно-целевой, управляемо-направляемый, технологичный и продуктивный характер деятельности человека обуславливает изменение любой реальности, на которую она направлена, в т.ч. и идентичности – как собственной, так и окружающих людей. Иногда это совпадает с их замыслами, чаще – нет. В этом смысле даже процесс воспитания и образования детей в семье, детском саду, школе или вузе есть проектирование, формирование и переформатирование людей и контуров их идентичности. Сюда же относится и самовоспитание. Мартин Иден, Николай Островский, прикованный к инвалидному креслу британский физик Стивен Хокинг и даже вытаскивающий себя за воротник из болота барон Мюнхгаузен в этом не одиноки. Человек, прошедший фронтovou или университетскую выучку, обретает иную идентичность, нежели индивид, попавший в криминальное сообщество, и т.д. В любом случае найдутся «наставники», лидеры, которые соответственно ситуации существенно и направленно повлияют на процесс трансформации идентичности как отдельных людей, так и их сообществ.

Присутствие в жизнедеятельности общества и человека, в т.ч. в наличных и формирующихся идентичностях, осознанного целевого начала, а также управленческого и технологического элементов дает основания рассматривать иден-

¹ Относительно идентичности я разделяю точку зрения, в частности, М.В. Глостановой о том, что в классическом виде эта проблема в социально-гуманитарном знании либо исчерпала себя, либо близка к исчерпанию [Глостанова 2010: 452–453]. Сегодня здесь нужны совершенно иные постановки проблемы, иные подходы и парадигмы.

тичности как проекты, которые люди реализуют с большим или меньшим успехом. Действия по их изменению также означают реализацию некоего проекта¹.

Разумеется, управление изменениями (конструированием или деконструированием) в идентичности, понимаемое как реализация социокультурного проекта, происходит иначе, нежели где-нибудь в бизнесе или государственной корпорации. Здесь, понятно, с «планами», «отклонениями», вообще с характером и природой деятельности дело обстоит сложнее в том смысле, что зафиксировать их так же, как это делается в бизнесе или на госслужбе, довольно трудно. (Хотя, по правде сказать, элементы планов и отклонений от них все же в каком-то виде могут иметь место, особенно если под идентичностью понимать не только и не столько свойство, сколько отношение.) Но в любом случае такое управление предполагает реализацию некоторых целей и достижение конкретных результатов.

Если под идентичностью подразумевать «сохранение формы объекта во времени» [Хесле 1995: 23] на основе удержания некоего порождающего принципа, то смена этого принципа (а он неизбежно меняется) создает предпосылки и условия для смены самой идентичности.

Так, проект (принцип) гражданского общества, концептуально оформленный в трудах, в частности, Т. Гоббса и Д. Локка и сменивший прежние проекты (принципы) социального устройства (абсолютизм, вассалитет, синкретизм властей и т.д.), привел в действие имеющиеся ресурсы в части западного (англосаксонского и романо-германского) мира. Однако для его действительной реализации потребовались осознанные и целенаправленные усилия по изменению социокультурной, гражданской, политической идентичности народов, составляющих западные общества, хотя уже сам по себе этот проект означал некоторое переформатирование существенных элементов идентичности (европейской). Именно этой логике и этой цели (хотя не только им) подчинялись, в частности, европейское Просвещение, изменения в законодательстве, буржуазные революции, напряженная идейная и политическая жизнь и борьба и т.д. Еще раньше в русле этой логики действовали мыслители Возрождения (Лютер, например). Все эти феномены сопровождалась конкретными управленческими усилиями.

В этом смысле, в частности, Просвещение, несомненно, удалось, потому что в результате идентичность (или отдельные ее характеристики) изменилась самым радикальным и в целом адекватным образом. Гражданское общество в целом было построено, что стало успехом Запада; идентичность людей в основном стала соответствовать принципам гражданского общества. Поэтому более поздняя резкая критика Просвещения со стороны европейских (и не только) интеллектуалов, в высокой степени объяснимая, все же не всегда справедлива, поскольку, во-первых, заставляет вспомнить выражение о крепости «задним умом» и, во-вторых, о слишком больших социальных, культурных, политических ожиданиях, которые в условиях неизменного сопротивления социальной реальности всегда оправдываются лишь частично.

Похожим образом можно рассматривать и такие выдающиеся и в существен-

¹ Под проектом здесь понимается некоторый замысел, а также совокупность идей, целей, значений, смыслов, достижение которых предусматривает деятельность в условиях ограниченных ресурсов и сроков и определенных рисков (высоких или низких), а также обеспечение необходимого качества конечного результата, чаще всего уникального. Управленческая теория и практика выработали такую область знания и деятельности, как управление проектами (*project management*) – определение и достижение некоторых целей и результатов при балансировании между объемом работ, ресурсами (деньги, труд, материалы, энергия, пространство и т.д.), временем, качеством и рисками в рамках проектов. Существенным фактором успеха управления проектами выступает наличие плана, минимизация рисков и отклонений от него, эффективное управление изменениями. В этом состоит его главное отличие от обычного процессуального или функционального управления.

ной мере воплощенные в действительность проекты лучших умов человечества, как «демократия», «правовое государство», «разделение властей», «конституционализм», «вечный мир» И. Канта (правда, еще и говорить не приходится о подступах к реализации этой идеи, это пока скорее концепт, нежели проект), изменившие идентичности огромного числа людей.

В мировой истории имеются впечатляющие прецеденты, свидетельствующие о том, что идентичности подвергались изменениям в результате осознанных управленческих усилий. Соответственно, можно проследить и исследовать, как это происходило и происходит.

Так, возникновение и шествие христианства как «вочеловечившегося Логоса» (С. Аверинцев) медленно, постепенно деконструировало и сменило религиозную идентичность множества языческих народов – где добрым словом, где мечом и огнем – на огромных территориях мирового пространства. Этот процесс шел не сам по себе, а подчинялся управлению. Сначала он (процесс) имел центр управления и воздействия в лице соратников Христа, апостолов, затем – в виде церкви (сначала единой, затем католической, православной, протестантской) и ее иерархически-сетевое устройства. В целом этот социокультурный и религиозный «проект» оказался успешным, что, впрочем, не избавило его от множества внутренних жесточайших противоречий, кризисов, реформаций, расколов, проявлявшихся на протяжении более чем двадцати веков в вовсе не христианских действиях и поведении и «ударных» отрядов церкви – крестоносцев, церковной элиты, инквизиции и многих рядовых и не рядовых верующих. Успех заключался в том, что христианская вера победно шествовала по всему свету много сотен лет и сегодня охватывает собой более 2,1 млрд чел. и все континенты и страны мира. Многие христиане именно благодаря обретенной вере и религиозной идентичности за долгие века явили миру образцы духовного мужества и стойкости.

Это относится и к буддизму, и к исламу, ставшим мировыми религиями.

Конструирование христианской идентичности шло как естественно-органическим, так и насильственным путем. Трудно сказать, чего в истории было больше. Однако в силу того, что Запад опережал многие регионы мира в своем развитии, обладал исторической инициативой во взаимодействии с ними, западная идентичность преимущественно доминировала, часто через насилие, причем не только в связи с утверждением христианской идентичности.

Так, сознательно направляемый и вполне управляемый европейцами – англичанами, испанцами, голландцами, португальцами и т.д. (христианами, к слову) – процесс работорговли и перемещение из Африки на Карибские острова и в Северную и Южную Америку в XVI–XIX вв. миллионов африканцев насильственно изменили социальную, культурную, этническую, религиозную идентичность как самих перемещаемых, так и местных жителей, а также их потомков. Здесь, разумеется, важны были сами рабы как таковые, как рабочая сила, поэтому их африканская идентичность, никому не нужная, жестоко подавлялась и вместо нее «вбивалась», насаждалась рабская идентичность – в чисто экономических интересах («ничего личного, только бизнес»). Последующим поколениям рабов, силой отчужденных от территории, культуры, языка, религии их предков, уже мало что напоминало об этой африканской идентичности (хотя что-то, разумеется, оставалось – от генетики, цвета кожи, психотики, танцевальных ритмов, культов, вроде вуду, и т.д.). По сей день проблема африканского происхождения части теперь уже коренных граждан США является «пунктом», оселком, которым проверяется политкорректность и толерантность значительной части остального населения страны. Иначе говоря, даже в этом плане едва ли можно считать завершенной «деколониацию» американского (разумеется, не только

американского) сознания, если изъясняться языком идейного течения, называемого деколониальной философией.

Как видим, осознанные усилия по смене идентичности могут быть как положительного, так и отрицательного свойства. Впрочем, ни одна из приведенных иллюстраций, как и все в обществе, не может быть охарактеризована, исследована и понята в рамках одной-двух парадигм или объяснительных схем, тем более в манихейской дихотомической логике «позитивное – негативное», давно уже устаревшей теоретически, методологически, эпистемологически, морально¹.

Итак, сконструированные пророками, мудрецами, мыслителями, религиозными и государственными деятелями концепты, принципы, парадигмы, системы идей, а также целенаправленные усилия по изменению идентичности огромных масс людей (в разных целях) складывались в некоторый проект – социальный, социокультурный, религиозный и т.д. – и были возможны уже в далекие библейские времена (очевидно, 40 лет хождения по пустыне евреев под водительством пророка Моисея означали стремление искоренить рабскую идентичность и обрести новую, основанную на свободе – по крайней мере, так говорит одна из интерпретаций этой ветхозаветной истории) и, по-видимому, даже раньше. В нынешние гораздо более продвинутое в технико-технологическом и информационно-коммуникативном плане времена таких возможностей намного больше, и воздействие на идентичность может стать (хотя и не всегда) в высшей степени продуктивным, что наша действительность наглядно и демонстрирует.

3. Изменение идентичности как управленческая практика

«Классическим» образцом насильственного изменения социокультурной, политической, этнической, национальной, религиозной идентичности, завершившимся практически на наших глазах, является феномен Косово. С XIII в. край Косово – центр сербской государственности и религиозности. Однако после поражения сербского войска в битве на Косовом поле с армией Османской империи в 1389 г. и окончательного захвата Косово турками в 1454 г. начался отток сербского и экспансия албанского мусульманского населения. К 1990-м гг. удельный вес последнего составил 82%, в 2007 г. – 92%. После этого вопрос о какой-либо идентичности, имеющей сербское происхождение в Косово, утратил свое значение. Проект, поддерживаемый в течение веков Турцией, а на последнем этапе – Западной Европой, успешно завершился. Сербь практически ни на что в нем уже не могут рассчитывать, разве что на чудо.

Здесь, разумеется, можно возразить: идентичность сербов не изменилась, они оказались просто изгнанными из Косово. А это совсем не то, что называется сменной идентичности. И вообще не следует путать демографию с идентичностью. В целом это верно, но не во всем. Идентичность сербов все же изменилась. К унижению, испытанному в результате поражения на Косовом поле в 1389 г., они испытали унижение, связанное с грубым изгнанием их из Косово в 1990-х гг., поддержкой этого изгнания Западом, фактическим отторжением края от Сербии и признанием его независимым государством в нулевых годах, готовностью политической элиты страны на любые уступки ради вступления в Евросоюз. А это именно то, что требовалось, поскольку слишком неуступчивыми и самобытными были на протяжении веков Сербия и ее православный народ для Западной Европы².

¹ Это не значит, что в социуме не должно быть некоторых абсолютов и табу – «не убий», «не укради» и т.д., исключение инцеста, канибализма и пр. Без них социуму грозит распад и дезорганизация.

² Описание процессов, связанных с феноменом Косово, не претендует на полноту, глубину и точность расстановки акцентов. Для этого нужно больше времени и места. Это описание подчинено целям статьи.

Элементы подобного сценария, к слову, не исключаются и для самих стран Запада, в которых, по признаниям их лидеров (Германии, Франции, Великобритании), политика мультикультурализма провалилась. Нарастание удельного веса чужеродного населения в этих странах (особенно в связи с огромным потоком мигрантов из стран Ближнего Востока в 2015 г.), способно самым серьезным образом изменить идентичность коренного населения. В Париже уже сегодня встретить коренного француза европейского происхождения не так просто.

Еще одним прецедентом целенаправленного насильственного (и вполне успешного) изменения национальной, религиозной, языковой, культурной идентичности в геополитических целях является драматическая история Галиции и Волыни – части Западной Украины. Более пяти веков находившиеся под давлением и управлением Польши, Австро-Венгрии их жители, считавшие себя русскими, были оторваны от экономического и культурного развития русского и малороссийского народов. Ватикан, Варшава и Вена стремились уничтожить родственные узы, религиозную, языковую и культурную общность жителей Галиции и Волыни с русским народом, Россией, вытравить у них все проявления русскости [Фомин 2009: 75]. Первым шагом в этом направлении стала Брестская уния 1596 г., подорвавшая православные основы духовного бытия галичан и способствовавшая смене их идентичности. «Фактически Брестская уния положила начала формированию на западноукраинских землях отдельного народа со своей духовностью и культурно-исторической традицией» [Толочко 2008: 19]. Отказ от веры предков заложил в основу смены идентичности предательство. И в дальнейшем становление угодного Варшаве и Вене этноса представляло собой непрерывную цепь измен. Вслед за верой жертвами стали язык, культура, история и даже собственное название (рутены, украинцы вместо русинов, русских) [Фомин 2009: 75]. Предательскую роль в деле перерождения идентичности русского населения западноукраинских земель сыграла галичанская элита.

Императору Францу-Иосифу I удалось «заквасить» галичанскую идентичность на антироссийский «дрожжах». Его русофобия отчеканилась в формуле: «Наше будущее – на Востоке, и мы загоним могущество и влияние России в те рамки, за которые она вышла. Наш естественный враг на востоке – Россия» [Фомин 2009: 76]. Перерождение Галиции было для Вены и целью, и средством реализации антироссийских замыслов. Галичане должны были стать и инкубатором русофобских идей для Украины, и крестоносцами, призванными завоевать ее для Вены. На этом пути просвещенной Австрии были и виселицы, и казни, и концентрационные лагеря Терезин и Талергоф, и запреты на профессии по национальному признаку, и навязывание нового языка и т.д.

Этот проект по насильственному разотождествлению, распредмечиванию, т.е. по смене идентичности сотен тысяч людей, безусловно, удался. История показала, что значительная часть населения, элита Галиции оказались враждебно настроенными по отношению к России, что проявляется и в наши дни. Отдельные очаги русскости и русской идентичности в Галиции носят «мерцающий» характер – не в том смысле, что эта идентичность множественна и высвечивается разными гранями, а в том, что она остаточна, фрагментарна и постепенно затухает, испытывая давление и не ощущая поддержки. Оставшиеся немногочисленные русины сегодня испытывают в Западной Украине громадные трудности и сопротивление в проявлении собственной идентичности.

Эти и многие другие исторические сюжеты (например, действия Польши по колонизации населения Западной Украины и Западной Белоруссии в 1920–1939-е гг.) показывают, что смена идентичности может происходить в процессе жесткого, силового управленческого воздействия на нее.

Возможна смена идентичности и результате «мягкой силы» (*soft power*).

Крестовые походы, религиозные войны и расколы, инквизиция, работорговля, первоначальное накопление капитала, ку-клукс-клан, революции, фундаментализм, нацизм, фанатизм, коллективизация сельского хозяйства, шоковая терапия в России (растянутая на 20 и более лет), закрытие национальных школ и СМИ, ограничение употребления языка и т.д. – варианты попыток *жесткой* смены идентичности.

Привнесение письменности, религиозные миссионеры, радио «Свобода», музыка «Битлз», джинсы, пепси-кола, Макдональдс, «Плейбой», джаз, ликвидация безграмотности, общество потребления, Интернет, экономическая и информационная экспансия (европейская, американская, китайская) во все регионы мира, гламуризация разных сфер социума и т.д. – воздействие на идентичность и изменение ее характеристик посредством «*мягкой силы*».

Оба подхода осуществляются в процессе управления, оба могут быть успешными, однако проявления успешности при этом оказываются разными. Использование «мягкой силы» в воздействии на идентичность более органично и действительно, происходит постепенно, и процесс смены или деконструкции идентичности растягивается на более продолжительное время. Для применения «мягкой силы» ее носитель должен быть достаточно сильным, чтобы полагать ее более эффективной и не скатываться к силовым методам. Однако чаще всего обладание силой искушает к ее использованию.

Управление изменениями в идентичностях, понятно, отличается от управления изменениями, например, в бизнесе. Отличаются все основные функции – целеполагание, планирование, организация, координация, мотивация, контроль. Однако эти функции все же присутствуют и в управлении идентичностями. Изменения в идентичностях более долговременны, четко сформулированных планов часто не существует – разве что какие-нибудь полумифические «Протоколы сионских мудрецов» или «Майн кампф».

4. Воздействие на идентичность и сопротивление «тяжелой фактуры истории»

Отсутствие управления, а нередко и наличие его способно конструировать отрицательную (негативную) идентичность. Так, отсутствие управления подготовкой политической и государственной элиты с высокой степенью вероятности ведет к тому, что приходящие к власти и в управление окажутся не готовыми к такой роли – масштаб и горизонты мышления оказываются недостаточными, стратегическое видение отсутствует, доминирует отрицательный отбор (то есть, на передний план выходят, прежде всего, агрессивные, алчные, изворотливые, профессионально несостоятельные, аморальные, не выбирающие средств индивиды), интересы элиты не идентифицируются с интересами страны и находятся за ее пределами¹. Отсутствие серьезной работы с идентичностью национальной элиты и бюрократии ведет к тому, что формируется идентичность бюрократии не в веберовском смысле (основанная на протестантской религиозности и этике и европейской рациональности), а в современном российском или африканском виде – коррумпированная, беспредельно алчная, компрадорская, неквалифицированная, непатриотичная (или вынужденно патриотичная – когда не выпускают на Запад) и т.д. Поэтому идентичность монархов, президентов, премьеров, министров, бюрократии, элиты в целом нуждается в предметном внимании и контроле со стороны общества.

В процессе управления изменениями в идентичности не всякое задуманное и управляемое изменение удастся. Любая идентичность сопротивляется – этносы,

¹ Двойное гражданство (на всякий случай), недвижимость, бизнес за границей, счета в зарубежных банках, дети в зарубежных университетах.

нации, языки, культуры, религии и т.д. Гитлер хотел превратить немцев в высшую расу, однако для него и его окружения все плохо закончилось. Есть проблемы с американской нацией, в частности плохо работает знаменитый «плавильный тигель». Российские староверы сохраняют свою идентичность со времен раскола в Русской православной церкви в XVII в., и мало что говорит о том, что они собираются что-то менять в ней. Не вполне удался эксперимент с формированием новой исторической общности — советского народа, хотя сложившиеся компоненты его идентичности вполне просматриваются и сегодня. После прекращения эксперимента снова зримо проявились элементы прежних идентичностей — этнические, конфессиональные, клановые, кастовые и иные формы квазисоциальной самоидентификации. Отрицательные элементы в идентичности россиян, уходящие в глубины времен татаро-монгольского ига, абсолютизма, крепостничества, изживаются трудно. Поэтому не следует преувеличивать и переоценивать возможности управления идентичностями. Но и недооценивать и преуменьшать — тоже.

Скажем иначе. В истории вовсе не безусловно, что те, кто полагает себя инициаторами или распорядителями социально-экзистенциальной динамики и идентичности, оказываются несомненными бенефициарами. Часто случается, что при переходе, например, революции из ее идейно-религиозной стадии в бизнес-стадию, т.е. стадию перераспределения статусов, власти, авторитета, богатства, управления, организации общественного производства инициаторы и лидеры становятся маргиналами, страдальцами или даже прямыми жертвами (жирондисты, эбертисты, якобинцы, левые эсеры, «ленинская гвардия», иранские исламо-марксисты и т.д.). «Притязания на силовое пересоздание коллективных и индивидуальных идентичностей сталкиваются с тяжелой фактурой истории» [Рашковский 2011: 33-34].

В сознательном изменении элементов идентичности значительно влияние таких феноменов, как реклама, средства массовой информации и коммуникации, манипулирование, всевозможные кодексы и т.д. Они формируют социальный запрос, моду и в результате — различные идентичности («массового человека», человека «потребляющего» и оттого «одномерного» (Маркузе), «успешного», «гламурного», «богатого», «профессионала» и т.д.). Проблема в том, что сами авторы таких изменений в идентичности никогда не знают, что в итоге получится, какими могут быть последствия. Поэтому, скажем, эскалация насилия на экране способна обернуться эскалацией насилия в реальности и в результате против самих, например, журналистов или политиков — немало их погибло и погибает в результате того, что они «успешно» способствовали деструктивному изменению ценностной структуры идентичности общества. Сама по себе крайне нерациональная для общества стратегия эскалации чрезмерного потребления и гедонизма оборачивается для людей излишним напряжением сил в погоне за ложно понимаемыми престижем, модой, гламуром и т.д.

Поскольку все в обществе обладает внутренней противоречивостью, управление изменениями идентичности ничуть не лучше и не хуже управления (за исключением очевидно силовых и деструктивных случаев), например, научными знаниями и открытиями — то и другое можно использовать как во благо, так и во вред человечеству. Сами по себе знания и открытия ценностно не хороши и не плохи, их использование зависит от внутренней культуры, идеалов, ценностей, интересов людей. Если же идеалы, ценности и интересы изначально формируются как деструктивные, то их носители во власти и управлении с высокой степенью вероятности будут на их основе обращать имеющиеся ресурсы себе на пользу и во вред обществу. Поэтому общество заинтересовано в выработке системных мер защиты против нарастания таких деструктивных

элементов идентичности, недопущении их свыше определенного минимума, сверх критической массы, и прежде всего в кругах национальной элиты, особенно властно-управленческой. Как известно, по М. Веберу, бюрократия — это не только социальная сила, но еще и особый ментальный тип, основанный на догматах (мыслитель исследовал прежде всего западную бюрократию) протестантской религиозности и этики, задающих облик целой культуры и общественной эпохи Модерна [Серкина 2005: 70].

Элементы идентичности могут устаревать и переставать соответствовать вызовам времени. Упорство в сохранении идентичности способно привести к плачевным результатам. Жители острова Пасхи вымерли, поскольку вопреки здравому смыслу сохраняли ненужные, малозначимые элементы своей идентичности, состоявшие в том, чтобы (в целях ложно понимаемых чести и достоинства) возводить никому не нужных каменных истуканов и тратить на это скудные и последние силы и ресурсы, которых уже не хватило для выживания. Истуканы остались, население прекратило свое существование [Даймонд 2009].

Жители Гренландии, викинги, выходцы из Северной Европы, долгое время (около 450 лет) сохраняли свою христианскую идентичность и соответствующий ей бытовой и хозяйственный уклад (фермерское хозяйство и т.д.). Однако в суровых условиях острова они нуждались в освоении некоторых иных способов жизнедеятельности и хозяйствования, которые, в частности, использовали и используют коренные его жители — инуиты. Европейцы-викинги не вняли этой необходимости и в результате свели свое присутствие на острове к минимуму, сойдя с исторической сцены [Даймонд 2009].

В трансформирующихся обществах укорененность элементов неадекватной, несвоевременной социальной идентичности блокирует формирование ее гражданских оснований. Их подменяют этнические, конфессиональные, клановые, кастовые и иные формы квазисоциальной идентификации. В процессе адаптации традиционалистских структур к современности возникают гибридные идентичности, которые могут стать источником как модернизации, так и демодернизации и дезинтеграции общества. Элита, ее идентичность становятся в этих условиях ключевым фактором, задающим вектор динамики [Семененко 2011: 101].

Существенным является вопрос о степени и пределах управляемости идентичностями. Такая управляемость, видимо, возможна в той мере, в которой любая идентичность может быть рационализирована, формализована, смоделирована, и все это может быть применено к ней как реальности, обладающей синергетической природой. Никакого точного прогноза здесь быть не может. Он может быть лишь предельно вероятностным, общим, неконкретным. Скорее всего ситуацию с идентичностями можно охарактеризовать как управляемый (в той или иной мере) хаос. Микроидентичности (потребления, корпоративные, кастовые и т.д.) могут быть сконструированы быстрее и конкретнее, макроидентичности требуют больших усилий на протяжении более продолжительного времени (этническая, религиозная, социальная, гражданская и т.д.). Искоренение нежелательной идентичности может осуществляться также посредством устранения (в разных формах) ее носителей (Косово, некоторые ближайшие соседи России, блокирующие употребление русского языка, и т.д.). Конструирование новой идентичности в таком случае происходит на освободившемся месте в результате целенаправленного воздействия на новый человеческий субстрат.

5. Управление идентичностями: информационные сети и войны

Особой сферой и средством управления идентичностями выступают с некоторых пор Интернет и различные информационные сети. Их управленческо-идентификационное влияние обнаруживается посредством как минимум двух

вариантов: а) формирования информационной повестки дня; б) информационно-сетевых войн.

Информационные повестки дня в виде списка наиболее важных тем образуют виртуальное сетевое меню. В процессе приобщения к нему пользователи сознательно или бессознательно начинают переформатировать свою идентификационную матрицу. Информационные повестки дня в Интернете — это не только и не столько стилистически оформленные проблемы, выведенные в заглавии ключевых поисковых систем. Прежде всего, это — огромный электронный ресурс, тонкое и профессиональное использование которого дает совершенно невероятный и поразительный эффект в управлении идентичностями огромных масс людей и индивидов. Инициаторами формирования информационных повесток дня в Сети могут выступать конкретные сообщества, гражданские организации, партии, органы власти, этнические и религиозные структуры, отдельные пользователи, лоббисты, преступные группировки и т.д. Спектр сценариев может быть огромным — от авторских комментариев в авторском блоге до разнообразных произведений. «Повестка дня» окажется успешной, если трансляция послания произойдет на той «частоте» («волне»), на которую настроена некоторая совокупность людей — чем больше, тем успешнее. Она становится доступной всему миру, не встречая границ и временных рамок.

Информационные повестки дня в Сети могут отражать реальные и насущные проблемы и способствовать их обсуждению, но могут и отвлекать от них, выставляя на первый план информационный шум и мусор в виде незначительных, но вызывающих любопытство тем. Они могут «сеять разумное, доброе, вечное», но способны и разжигать рознь и экстремизм в обществе. По причине стремительного обновления информационного потока (повесток) в Интернете идентичность огромной массы пользователей приобретает характеристики фрагментарности и ситуативности [Лекторова 2011: 62-64].

Информационно-сетевые войны, в отличие от рискованных традиционных войн, чреватых большими потерями, особенно в случае применения ядерного оружия, делают полем сражения ментальную сферу, самосознание народов, их идентичности. Борьба в информационном пространстве велась во все времена, однако в наши дни возможности информационных технологий многократно усиливают ресурсы такой борьбы и ее значение. Успех в этой сфере достигается меньшими усилиями, несопоставимыми с издержками реальных войн. Жертва обычно недооценивает информационную агрессию против идентичности в силу ее неочевидной разрушительной силы, растянутости во времени, пребывая в благодушном настроении или вообще ничего не осознавая.

Первым шагом в изменении идентичности противника становится дискредитация, девальвация, разложение, а затем и уничтожение базовой системы ценностей, идентификационной матрицы нации [Карякин 2011: 155-156]. Безболезненность восприятия информационной агрессии массовым сознанием достигается тем, что она преподносится как восхождение по пути прогресса, как цивилизационная замена архаично-отсталого социума более развитым, стоящим на более высокой ступени. Особенность информационного воздействия состоит в том, что в результате элита страны-жертвы передает контроль над стратегически важными ресурсами агрессору добровольно, поскольку это шаг воспринимается как «прогрессивное» движение вперед, овладение «новым мышлением», укрепление основ демократии, обеспечение прав человека, построение правового государства и т.д. Именно так был разрушен СССР, в этот момент не участвовавший ни в каких разрушительных войнах. Политика «гласности» М. Горбачева открыла каналы для подрыва основ советского общества при полнейшей неготовности населения, партийно-государственной элиты и органов безопасности

страны к управляемому массированному информационному воздействию. Люди оказались слишком доверчивыми и идеологически обезоруженными [Карякин 2011: 155-156]. Это — одна из ключевых причин геополитической катастрофы — распада СССР.

Успех в деле разрушения СССР и социалистической системы «привел к появлению целой серии технологий информационного воздействия на основы государственности, которые приняли системный характер и в своей совокупности оформились в виде информационно-сетевых войн, задачей которых является подрыв, а затем и разрушение базовых характеристик нации» [Карякин 2011: 155-156].

Управляемое информационно-сетевое воздействие устремлено на идентификационные матрицы и архетипы индивидов и общностей, в результате чего происходит замещение базовых ценностей навязанными чуждыми идеями и ориентирами. В конечном счете происходит разотождествление, распремечивание идентичности, слом ее архитектоники. При этом факт имплантации недружественных ментальных вирусов проходит чаще всего незамеченным для социума. Объектом информационно- сетевого воздействия становится идентичность как государственно-управленческой и культурной элиты, так и населения страны. Не располагая надежными средствами выявления информационной агрессии, они оказываются неспособными на организованный отпор противнику, что обрекает их на стратегическое поражение. Недооценка эффективности таких войн и технологий сегодня широко распространена, в т.ч. в России, и это многократно усиливает их поражающую силу.

К действиям по замене и подмене ключевых элементов идентичности народов-жертв в рамках сетевых войн противник подключает разные ресурсы — Интернет, основные поисковые системы, социальные сети, СМИ, религиозные организации, неправительственные фонды, учреждения культуры, общественные движения и т.д. «В совокупности они осуществляют так называемую *распределенную атаку* (выделено мной. — *О.М.*), оказывая многочисленные точечные разрушающие воздействия на общественную систему страны под знаменем “развития демократий и гражданского общества” и “соблюдения прав человека” [Карякин 2011: 157]. Накопленный опыт по изменению идентичности и воздействию на массовое сознание позволяет реализовывать какие угодно сценарии и проекты — изменение основ государственности («оранжевые» революции в Восточной Европе, «цветные» — в Центральной Азии, волнения в странах Северной Африки и Ближнего Востока в 2011 г.), гламуризация жизни и политики, макдональдизация общества, утверждение ценностей массового общества и общества потребления, внедрение комплекса вины или пораженческой психологии, даже проведение геноцида без газовых камер и массовых расстрелов — достаточно повлиять на снижение рождаемости (путем утверждения, например, культа «свободы от детей», популяризации и распространения однополых браков) и увеличения смертности (посредством утверждения моды на сигареты, алкоголь, наркотики, содействуя росту коррупции и, соответственно, преступности, и т.п.).

Управление переформатированием идентичности учитывает природу информационно-сетевых структур, которые не предполагают жесткой иерархии в силу их горизонтальной гетерогенности, проявляющейся в автономности их элементов и горизонтальных связях. Последние реализуются через социальные связи и Интернет, что не позволяет своевременно выявлять и пресекать их деятельность.

По сообщению британских СМИ («Гардиан») в США реализуется программа информационно- сетевого воздействия на проблемные регионы с использова-

нием сетей *Twitter* и *Facebook*, центр управления которыми находится на базе ВВС США «Макдилл» во Флориде. В нем работают 50 операторов, каждый из которых руководит 10 «агентами влияния» в разных странах, выполняющими их задания по ведению информационной войны по всем правилам политических технологий. Программа хорошо финансируется и предусматривает для каждого из агентов убедительную легенду и меры по защите от разоблачения. Любое воздействие на американскую аудиторию запрещено, английский язык не используется. Общение ведется только на арабском, урду, пушту, фарси, т.е. на языках тех стран, которые представляют интерес с точки зрения воздействия на общественную стабильность [Карякин 2011: 158; Пустовойтова 2011].

Таким образом, информационно-сетевая стратегия «управляемого хаоса» является эффективным средством деконструкции и реформирования идентичностей целых стран и народов, осуществляемых в интересах авторов и инициаторов такой стратегии [Расторгуев 1999; Панарин 2003].

Вовлечение людей в практики, имеющие позитивный социальный эффект и соответствующее признание, формирует и позитивное отношение к связанным с ними субъектам. И наоборот, неорганичные принудительные практики имеют обратный эффект. Так, применение массовых мобилизационных технологий для повышения, например, электоральной активности, в т.ч. молодежи, как правило, отрицательно сказывается на формировании гражданской идентичности, поскольку она подменяется мобилизационным сознанием. С государством или политической партией, которая использует тебя исключительно как электоральный ресурс, чувства сопричастности и солидарности не возникает [Самаркина 2011: 62-64]. Никакой пользы, кроме несущественной ситуативной, это не приносит, в т.ч. такому государству и такой партии.

Россия, как и любая страна, нуждается в адекватном управлении идентичностью своего населения. Здесь возникает много трудностей разного характера. Во-первых, современный мир динамичен, взаимосвязан, люди активно перемещаются по всему свету. Какой идентичностью управлять? Во-вторых, в страну приезжают активные люди со всего мира, причем их пассионарность носит как позитивный, так и негативный характер. В-третьих, в стране появляется множество мигрантов, в т.ч. с чуждыми культурами. В-четвертых, требуется решить ряд методологических проблем, связанных с управлением идентичностями (степень познаваемости и управляемости, синергетическая природа, количественные и качественные методы, технологии) и т.д.

Несмотря на эти и другие трудности, управление идентичностью россиян должно иметь место. Иначе это «место» пустым не останется, заполнится неуправляемым содержанием и может выйти из-под контроля. Ориентирами, контурами идентичности россиян, видимо, должны быть ценности и идеи не позавчерашнего дня, а развитого и динамичного инновационного общества, адекватные вызовам времени и обеспечивающие стране лидерские позиции в современном и будущем мире.

Список литературы

Астафьева О.Н. 2010. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей. — *Вопросы социальной идентичности: научный альманах*. Т. IV. *Человек в поисках идентичности* (под ред. Ю.М. Резника, М.В. Тлостановой). М.: Изд-во Независимого института гражданского общества.

Гофман А.Б. 2010. В поисках утраченной идентичности. — *Вопросы социальной идентичности: научный альманах*. Т. IV. *Человек в поисках идентичности* (под ред. Ю.М. Резника, М.В. Тлостановой). М.: Изд-во Независимого института гражданского общества.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. 2008. *Постсоветский человек и гражданское общество*. М.: Московская школа политологических исследований. 96 с.

Даймонд Д. 2009. *Коллапс*. М.: АСТ. 762 с.

Дробижева Л.М. 2003. *Социальные проблемы межнациональных отношений в России*. М.: Центр общечеловеческих ценностей. 376 с.

Карякин В. 2011. Информационно-сетевые войны. – *Свободная мысль*. № 5. С. 155-162.

Лекторова Ю.Ю. 2011. Конструирование информационных повесток дня: выбор идентичности в сети. – *Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей* (отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева). М.: Изд-во ИМЭМО РАН.

Панарин И. 2003. *Технология информационной войны*. М.: КСП+. 320 с.

Попова О.В. 2011. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке. – *Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей* (отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева). М.: Изд-во ИМЭМО РАН.

Пустовойтова Е. 2011. Разбомбить Ливию. Четвертое действие всемирного спектакля. – *Восход. Независимая общественно-политическая газета*. 19 марта. Доступ: http://voshod.ucoz.ua/news/razbombit_liviju_chetvjortoe_dejstvie_vsemirnogo_spektaklja/2011-03-20-1949

Расторгуев П. 1999. *Философия информационной войны*. М.: Вузовская книга, МПСИ. 468 с.

Рашковский Е.Б. 2011. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... – *Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей* (отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева). М.: Изд-во ИМЭМО РАН.

Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа (отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова). 2003. М.: Наука. 395 с.

Самаркина И.В. 2011. Политическая картина мира в структуре социальной идентичности. – *Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей* (отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева). М.: Изд-во ИМЭМО РАН.

Семенов И.С. 2011. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа. – *Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей* (отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева). М.: Изд-во ИМЭМО РАН.

Серкина Н.Е. 2005. *Парадигма социального управления в теории и практике социальной модернизации: дис. к.филос.н.* Йошкар-Ола. 173 с.

Тлостанова М.В. 2010. В порядке полемики. – *Вопросы социальной идентичности: научный альманах. Т. IV. Человек в поисках идентичности* (под ред. Ю.М. Резника, М.В.Тлостановой). М.: Изд-во Независимого института гражданского общества.

Толочко П. 2008. *О «хорошем» Западе и «плохом» Востоке*. Киев: Бізнесполіграф. 55 с.

Фомин А.И. 2009. Станет ли Украина большой Галичиной? – *Свободная мысль*. № 11. С. 72-83.

Хесле В. 1995. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. – *Вопросы философии*. № 12. С. 19-36.

Castells M. 1997. *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishers.

MITROSHENKOV Oleg Aleksandrovich, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Department of UNESCO, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (bld. 8, 84 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; omitrosh6@mail.ru)

IDENTITY: FROM THEORETICAL CONCEPT TO THE ADMINISTRATIVE INFLUENCE (socio-philosophical analysis)

Abstract. Any identity is the result of complex social relationships and influence in the aggregate of which management plays a significant role. In the present globalized world the totality of identification reference points and identities themselves are in the state of permanent transformation. The system of socio-existential positioning of both an individual and of the community is losing its former distinctness, becoming the object of construction from the direction of both themselves and outer subjects of the policy (or transformation) of identity. The article examines conceptual problems of identity management.

Keywords: identity, socio-cultural project, management, structure planning, formatting, disengagement of identity, soft power, management limits, informational net-wars